

Василий Иванович Белов: «тихая моя родина...»

«Деревня Тимониха – родина писателя Василия Белова. По данным на 2010 г. население – 0 человек. До областного центра 148 км. «Дороги нет, есть путь в виде ям и глиняного месива...» из отзывов на Википедии.

Знатоки утверждают, что слова про «тихую родину» Белов позаимствовал у Рубцова, а может было наоборот. Не так это уже и важно. Родина Белова действительно тихая, дым из печей не идет, собака не залает, дверь не скрипнет... Можно, конечно, собрать народ, устроить «сенокос», как это было в 2021 г. Эх, «раззудись плечо, молоньей коса, засверкай кругом», а затем уши похлебать, почаявничать, песен попеть. Вот вам и отдых на природе, и затраты не из личного кармана. «Справедливая Россия» вроде бы бралась за возрождение Тимонихи, но что-то не срослось. Видимо, не та партия, не дотягивает до «традиционных ценностей».

Но мы о другом. К чему пришла «деревенская проза»? Что, как говорится, выпало в осадок. В журнале «Свой» (Самохин А. С правдой в ладу//Свой. Журнал Никиты Михалкова. 2022. №9. С. 18-22) Василий Иванович назван «последним крестьянским писателем России», но можно считать и «первым». Его 90-летний юбилей на Вологодчине прошел с размахом. Список мероприятий длинный. Нашлось место для памятника, рядом с областной библиотекой, как писали в прессе – «поставили так, что никому не мешает».

Да, «деревенская проза» имела звонкие имена: Федор Абрамов, Михаил Алексеев, Виктор Астафьев, Владимир Личутин, Борис Можаяев, Виктор Потанин, Виктор Лихоносов, Евгений Носов, Валентин Распутин, Владимир Солоухин, Василий Шукшин – писатели, чьи судьбы так или иначе, но кровно связаны с крестьянством, с деревней, с ее духовно-нравственными традициям.

Сюда можно отнести и Александра Солженицына, его рассказ «Матренин двор» был написана еще в 1959 г., хотя «деревенщиком» Александр Исаевич себя не считал. Но

если говорить о становлении «деревенской темы», то, разумеется, следует назвать Валентина Овечкина и его «Районные будни» 1952 г., Александра Яшина с его «Рычагами» 1956 г. и других авторов. О деревенских жителях и проблемах талантливо писали и городские писатели, например, Георгий Семенов, а Юрий Трифонов считался непревзойденным автором «городской прозы». Талантливое творчество остается, даже если с карты исчезли тысячи деревень и сотни малых городов.

Вологодская писательская организация, 60 лет которой исполнилось в июле 2021 г., была заметным творческим явлением в России. В период ее расцвета (1960–1980-е годы) произведениями Н. Рубцова, А. Яшина, С. Орлова, С. Викулова, В. Белова, В. Астафьева и других авторов зачитывалась вся страна. Литературные критики писали о вологодской литературной школе как о «вологодском феномене», о «вологодском чуде». Так что своей историей она может гордиться. Возглавил организацию Сергей Викулов. В 1963 году членом организации стал Василий Белов. Позже ее в ее состав вошли Ольга Фокина, Виктор Коротаяев, Владимир Шириков, Александр Грязев, Роберт Балакшин.

Объективно оценивая потенциал местных писателей и поэтов, можно сказать, что вологодская организация была одной из самых авторитетных в СССР.

За это надо благодарить не только их самих, но и партийные власти, лично первого секретаря обкома партии Анатолия Дрыгина, который ценил, понимал и поддерживал интеллигенцию. С его участием быстро решался, пожалуй, главный на то время жилищный вопрос. Об этом есть интересная статья историка А.С. Столетовой, учившейся в Вологодском педуниверситете, с конкретными фактами и ссылками. Стоило Ольге Фокиной заявить о желании сменить архангельскую прописку на вологодскую, как ей через месяц была предоставлена квартира, а пока, сказал Дрыгин, пусть поживет в общежитии совпартшколы. Не хилое, заметим, общежитие. Не все же, как Рубцов, могли творить на улице без гроша в кармане.

Писателю свойственно создавать произведения на исторические темы. Если есть знание и понимание истории, а к этому еще настоящий, подлинный талант, то рукописи не только не сгорят, но и будут жить долго. «Война и мир» Льва Толстого, «Тихий Дон» Михаила Шолохова... Подобных примеров, наверное, не много, гораздо больше таких, когда написанное и изданное на потребу дня, те же «Бруски», «Цемент», даже «Железный поток» Серафимовича, писателя не заурядного, остались в далеком прошлом... Читателя, а тем более массового у них уже никогда не будет.

По утверждению Федора Абрамова, первым, кто разглядел в Василии Белове «будущую звезду нашей прозы», был Александр Яшин. Произошло это не сразу и не случайно. Прежде чем стать прозаиком, Василий Белов попробовал свои силы в стихотворных жанрах, напечатавшись впервые в журнале «Звезда» (1956, N 5) и через пять лет выпустив в Вологде под редакцией Сергея Викулова книжечку «Деревенька моя лесная» (1961). Как сказано в его биографическом описании – «поэт из него не получился». Перешел на прозу. Появилась простенькая «Деревня Бердяйка» («Наш современник». 1961. N 3). Еще в рукописи ознакомившись с «Деревней Бердяйкой»,

Сергей Викулов сказал автору: «Если бы я был редактором какого-либо журнала, я бы напечатал ее не колеблясь». В 1969 г. желание С.В. Викулов исполнилось: он стал главным редактором журнала «Наш современник». И на своем месте оказался, и в нужное время, и называли его, фронтовика, пусть не все – «Совестью России» (Юрий Москаленко. Почему Сергея Викулова считали «совестью России»/ Школа Жизни.ру (27 июня 2007). Вот только Белов предпочитал «Новый мир».

Василия Белова оценили и признали за три его «вещи»: «Привычное дело» («Север», 1966, N 1), «Плотницкие рассказы» («Новый мир», 1968, N 7) и «Бухтины вологодские» («Новый мир», 1969, N 8). Они принесли автору всесоюзную известность. Были переводы на иностранные языки, что в советский период не такое уж редкое явление. Откровенно скажем, немного, хотя начало писательской деятельности оказалось удачным. В отечественной литературе появился самобытный автор.

Но где же объемные произведения Белова, его романы: «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестой», «Все впереди»? В юбилейном «Беловском сборнике», изданном в конце 2022 г., о каком произведении больше всего опубликовано статей? Естественно, о «Привычном деле»! Составлена целая «энциклопедия» по незатейливой в общем-то по сюжету повести писателя. Подобные творения о послевоенной деревне создавались практически во всех краях и весях необъятной советской страны. У Владимира Солоухина есть книга «Владимирские проселки», как он сам говорил, в середине 50-х гг., где пешком, где верхом исходил-объехал всю область, беседовал с разными людьми, искал ответ «Кому на Руси жить хорошо?». Где повезло на председателя, там и колхозники не лодырничали и интерес свой имели. Сносно жили, грешно жаловаться. Солоухина, как советует Елена Жилиева, надо читать вдумчиво и спокойно, лучше – в загородном доме или на пеньке в лесу, где можно оглянуться и... – и тогда не захочется оставить текст до последней строки. Может и Белова попробовать на пеньке? Вот только день какой выбрать: солнечный или пасмурный? А Дрыновым умиляться не стоит. Оставил многодетную семью, большую жену, на заработки якобы потянулся на Север крайний, а тем временем Катерина умерла, детишек по приютам распихали, а он, видишь горюет, с рябинкой на могилу пришел, совестливый все же. А мысль-то, наверное, свербила – «какие заботы скинул...».

Утверждать, что Василий Белов изначально был привязан накрепко к своим деревенским корням, как это встречается в отдельных публикациях – мы не станем... Он и сам писал, что мечтал вырваться из деревенского круга, а его отец, Иван Федорович Белов, по признанию писателя, не раз «порывался уехать из деревни навсегда, но так и не сделал этого». Биографы пишут: Всей душой рвался из родной Тимонихи в большой мир и сын его, подросток Василий Белов.

Даже скитальческая неустроенность жизни казалась юноше, молодому человеку куда более прельстительной, нежели кровная, на всю жизнь тогдашняя крестьянская доля. Нет, не от трудностей бежал будущий писатель из деревни, не из-за деревенской «темноты» надолго отрекся от родного дома – вряд ли последующая его жизнь «на свободе» была менее многотрудной. Но эта жизнь все же осознавалась именно свободной: здесь он сам определял себе пути к неясному еще, но уже смутно предчувствуемому будущему. Потребовались долгие годы просветления ума и сердца, чтобы обрести настоящую потребность возвращения на трудную, чуть ли не проклятую им когда-то родимую землю».

Эти строки взяты из статьи Ю. М. Павлова, доктора филологии, автора многих работ о деревенской прозе, который ставит Василия Белова выше Александра Солженицына, не увидевшего в «Привычном деле» «ничего выдающегося». Он – Солженицын – «писатель второго-третьего ряда, не смог подняться до уровня творения своего гениального современника». В статье Солженицына о Белове, по мнению Павлова,

довольно много неточных и откровенно несправедливых суждений. И данная тенденция не только сохранилась, но и набрала силу в трактовке других произведений Василия Белова.

Не будем много говорить о его романе «Все впереди». Если «антиколхозную» трилогию я в свое время полистал, то этот роман прочитал внимательно, но ничего кроме недоумения он у меня не вызвал. Да и по оценкам большинства литераторов и критиков – роман не удался.

Убеждение в том, что В. Белова постигла неудача, заявил В. Лакшин в статье «По правде говоря...» («Известия», 1988, 4 декабря). «Роман все-таки не состоялся» – утверждает Д. Иванов в обзоре «Что впереди?» («Огонек», 1987, №2, стр. 13). Аналогичное мнение заявил И. Золотусский в статье «Отчет о пути» («Знамя», 1987, №1, стр. 226). Подобная точка зрения нашла поддержку А. Мальгина, О. Кучкиной, Н. Анастасьева и некоторых других критиков. Знатоки литературы могут сказать, что это мнения космополитов, иного от них и не ждали.

Въедливый вологодский журналист Валерий Есипов так отозвался о необычном произведении Василия Белова: «В нем впервые в отечественной словесности /автор/ глазами простого крестьянина взглянул на щекотливую тему эрогенных зон. Она до того взволновала его, что даже выступая по ЦТ, писатель своим долгом обрушится на аэробику девушек в купальниках как главный тормоз начавшейся перестройки». Похоже, что автор сам не разобрался в том, что он написал. Есть же его собственное высказывание: «Слоеный пирог, состряпанный из политики и художественной литературы, никогда не станет съедобным. Откусишь, пожуешь и выплюнешь». Золотые слова! Они как нельзя лучше характеризуют его новую книгу (Есипов В.В. Провинциальный споры в конце XX века// Василий Белов как зеркало смуты. Вологда, 1999. С. 214-219).

А вот мнение патриота, известного журналиста Олега Дзюбы, кандидата филологических наук: «При всех моих симпатиях к Белову назвать эту книгу безусловной удачей я не рискну. Взвзвись за эти заметки, я заново перечёл уцелевшие на антресолях три журнальных номера с публикацией тридцатилетней уже давности и мысленно всплеснул руками при воспоминаниях о давно остывших страстях» (Литературная Россия, декабрь 2017 год, №.45).

Василий Иванович, по отзывам современников, был человек капризный, вспыльчивый и памятливым... Дзюба пишет, что ему удалось похоже догадаться, почему центральный персонаж из романа носит фамилию «Бриш». Оказывается, в вологодском обкоме был сотрудник с такой фамилией, который курировал районную прессу, к чему имел отношение секретарь Грязовецкого райкома комсомола молодой Вася Белов. Прочитав Дзюбу: «Можно лишь догадываться, до чего допёк этот мелкий функционер замотанных сотрудников «районок», если через три десятилетия Белов задним числом свёл с ним кое-какие давние счёты!». «Свел счёты» – хорошо сказано!

Коллективизация – непростая тема, как для историка, так и для писателя. Ее трагическое эхо долетает до наших дней. Вот только не упустить бы из виду, что «эхо» не есть отражение того, что прозвучало, то есть былой реальности. Сошлемся на справедливую критику недавнего сочинения Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» о судьбах раскулаченных крестьян, а снятый по книге фильм лишь добавил скептицизма.

Сергей Герасимов *Колхозный праздник*. 1937 г.

Очернение советской истории наблюдается давно.

У некоторых писателей, впрочем, их оказалось не так и мало, вместо трезвой, осмысленной реакции на произошедшие в прошлом веке перемены, выплеснулась гневная отповедь в адрес коммунистов, социализма, советского строя... Почему такая реакция? Их что не печатали, не издавали, они не получали квартиры, награды, не пользовались другими

благами, за свои, явно завышенные в оценках произведения... Мне довелось в начале 90-х гг. участвовать в «патриотическом собрании» в здании бывшего обкома КПСС. Публика была разная – и творческая, и не совсем. Выступил Василий Белов, который уверял собравшихся: радость-то какая, сбросили коммуны, распускают колхозы, вот теперь воспринет русский мужик, заживет деревня... А до этого значит она не жила, умирала...

По мнению Юрия Селезнева, взятому из его книги (Василий Белов: Раздумья о творческой судьбе писателя. М.: Сов. Россия, 1983), роман «Кануны» не претендует на художественный анализ конкретной исторической ситуации во всей ее полноте и сложности, но вне ее понимания невозможно оценить его идейно-проблематическое содержание «Канунов». Это верно и в отношении остальных частей трилогии. Замах у писателя был грандиозный: на примере Шибанихи и ряда других деревень Вологодчины показать гибельную сущность коллективизации для всего российского крестьянства. Но этого не получилось и не могло получиться. Северный край, а беловская география не выходит за его рамки, она даже намного уже, вряд ли показателен, чтобы оценить всю многогранность «великого перелома». Однако кое-кто из филологов, например упомянутый уже Юрий Павлов заключает: Коллективизацию – политически реализованную ненависть вождей к крестьянству – Белов изображает, в отличие от предшественников и современников, как величайшее преступление XX века, как величайшую трагедию народа. Это видение реализуется и через судьбы десятков героев, и через авторские характеристики. Уже в своей публицистике Белов сравнит коллективизацию с геноцидом».

Такое изображение коллективизации, когда она не вызывает ничего, кроме озлобленных чувств у деревенских жителей, а ее партийные и советские инициаторы и проводники ведут себя как оккупанты, осуществляя геноцид собственного народа, совершенно не «стыкуется» с дальнейшей историей страны, с той же Вологодчиной. Как из уцелевших крестьянских семей, задавленных и раздавленных советским катком, вышли и стали героями Великой Отечественной войны: Александр Панкратов, Александр Клубов, Михаил Самарин...

Большевики приняли страну, в которой 80% населения – крестьяне. А время диктовало только одно – догнать и перегнать капиталистические страны Запада, иначе сомнут. Почитайте наших историков, Евгения Спицина, Александра Пыжикова, возьмите учебник А. С. Барсенкова и А.И. Вдовина, профессоров МГУ, монографию Вдовина «СССР: история великой державы». Пугают объемы? Возьмите статью Александра Елисеева «Исторические события: правда о коллективизации», и вы сами убедитесь, что

сочинения Белова далеки от объективного понимания советской действительности. Текст его книг мрачен. Жизнь и быт крестьян в постоянной нужде, вроде бы и работают чуть ли не круглые сутки, а жизнь только хуже. Детям таже участь – учиться не где, светлой радости на лицах нет, одни слезы... Даже «игрища» в Шибанихе, которая «похожа на похмельную бабу», с повизгиванием девок и нестройной игрой на балалайке, как изображает это Василий Белов, не добавляют веселья, а больше тоски, разве что приободрит сочиненная на ходу непотребная частушка, да и то не на долго... Не видели, значит, крестьяне просвета в своей жизни, сходу отвергали колхозную политику.

Если следовать беловским «канунам» такого не должно было быть – но что-то не

В сельском клубе села Филиппово

так в этих «канунах» – другая жизнь пришла в колхозную деревню и не с «игрищами» в темных углах с повизгиванием девок, а с танцами в светлом клубе под веселый вологодский наигрыш, с кинопередвижкой и библиотекой...

В юбилейном «Беловском сборнике» д. ф. н. А. И. Большакова (Москва) не удержалась и мягко указала на

непонимание Беловым «крестьянского вопроса». Для него частник, мелкий собственник – идеал, у него и дом свой, и корова с телятами на дворе, и курей не сосчитать, но «переход от преимущественно аграрного состояния России к индустриальному и урбанизированному в 1920 – 30-е был необходимым цивилизационным процессом, без которого не выжить было стране и не победить в войне с фашизмом». А писатель, заламывая руки восклицает: «Совсем недавно Россия давала третью часть мирового хлебного запаса. Что-то будет теперь?» в «год великого перелома». Да, случались урожаи при последних Романовых, вот только голод приходил чаще.

Насколько типичной была Шибаниха на Русском Севере. Край большой, народ разный. Известный историк Александр Пыжиков, к сожалению, рано ушедший из жизни, оставил ряд своих исследований по российской истории начала XX века и последовавшему затем советскому периоду. Его суждения подкреплены документальными материалами, аргументированы, взвешены, научны. Касаясь литературы, стремления отдельных писателей, получивших название «деревенщиков», историк подметил, что далеко не всегда они были способны понять русского человека, порой односторонне отражали его стремления и интересы. Пыжиков называет Федора Абрамова, Василия Белова, Бориса Можаяева, ряд можно продолжить, но в их произведениях русский народ предстает другим, не тем, каким он являлся на самом деле. Что имелось в виду?

Федор Абрамов вырос в староверческой среде и всегда с теплотой отзывался об односельчанах, что нашло отражение в его произведениях, тех же «Братьях и сестрах», «Пути-перепутья», «Дом». Можаяев никаких староверов не знал, для Белова, замечает, Пыжиков никакого староверческого контекста не существует, разговоры его героев весьма поверхностны, лишены определенности в понимании русскости. В беловской Шибанихе с размахом празднуют святки: игрища, попойки, гулянья. В избе Кеши

Фотьева, напоминающей проходной двор, собравшиеся играют на деньги в карты. И была бы драка, но помешали ряженные, которые, «словно язычники, плясали и ухали филином в Кешиной избе». Какое тут Рождество Христово и Крещение Господне! Запомню автор, или не знал? Впрочем, его «носопыри», «штыри» и прочие «пигалицы» – что могли помнить? Я в семидесятые годы был во многих деревнях Каргополья. В избах, в красном углу – икона, вместе с фотографиями мужей, сынов, родственников, ушедших и не пришедших с фронта. Нет, не покидала православная вера русского человека.

Любопытные сравнения находим у Пыжикова: если у Федора Абрамова украинцы – Зарудный, Теборский и др., олицетворяют корыстный дух, то у Белова украинские раскулаченные провозглашаются «братьями». Кому они братья? Видимо тем, кто считал личное обогащение и стремление к наживе сутью любого помысла и движения. Абрамовские герои относятся к этому с брезгливостью. У Белова, наоборот, «... они и есть самые настоящие русские, на них держится страна». Беловские переживания об этих «лучших людях» настолько искренни, что зачастую нелегко разглядеть очевидное: для них понятие родины не означает готовность жить ради ее будущего, ради следующих поколений. Для них родина – это место, где можно построить хоромы с забитыми доверху подвалами и амбарами и обеспечить тем самым сытое будущее исключительно своему выводу. Одного такого «русского» он изображает в романе – Брусникин, который в детстве воровал из чужих корзин грибы и ягоды, что потом перешло и к взрослому, с его явными признаками нравственного вырождения (Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2018. С. 368-369). Русский народ – как пишет Белов – был продан Сталиным большевикам, состоящим из евреев-инородцев да Калинину с «козлиной бородой, олицетворявшим в партии зачумленный и обманутый народ», а Сталин мол купил себе место на троне, заплатив за это русско-украинской кровью.

В трилогии писателя все советское руководство: Сталин, Бухарин, Калинин, Яковлев/Эпштейн, Меерсон и т. д. ненавидят крестьянство. В самом начале второй книги трилогии Лазарь Каганович назван «палачом народов». Каких народов, видимо всех, кроме своего... Лазарь Моисеевич был верным и твердым сталинистом. Таким он остался до конца своей жизни – умер в 1991 г. Ему страна была обязана многим. «Проходчик первый – Лазарь Каганович в забой ведет рабочие полки» – это про московское метро, которое было названо его именем. Ну, а с теми, кто действительно проливал народную кровь «разобрались» со временем...

В Вологде в конце перестройки и потом в лихие 90-е издавалась газета «Вологодское эхо». Издателем был Владимир Шириков. Я был с ним знаком, даже хотел что-то напечатать, но считаешь свежий номер, и желание пропадало... Педалировать постоянно «тему малого народа» – понятно какого, сваливая на него все грехи – нам ни к чему. Союз развалили не евреи. Горбачев, Ельцин, Кравчук, Шушкевич – не из «малого народа»... Справедливости ради следует сказать, что когда во второй половине 60-х гг. советская еврейская интеллигенция посчитала строительство социализма/коммунизма зряшным делом и отвернулась от него, этот «развитой социализм» вскоре и кончился. Но решения принимали не они. Еще Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» точно подметил, что проблема не в жидах, а в «жидовстве», что встречается куда чаще в русском человеке, чем в еврее. Тот живет своей жизнью. Федор Абрамов еще в 70-е годы писал: деловой человек, которого все мы так ждем, не принесет радости, он непременно выродится в дельца» (Абрамов Ф. Путевые заметки. Архангельск, 2002. С. 204-205).

В 1989 г. В.И. Белов, член Вологодского обкома, стал депутатом съезда народных депутатов СССР от так называемой «красной сотни», список утверждал сам Горбачев: отбирались самые «верные» защитники КПСС. Удостоверением депутата ОБ №11 1989-1994 гг., подписанное самим Горбачевым, писатель гордился.

Крупин, Распутин, Белов на Байкале

Возможно, оно лежит сегодня в музей-квартире в Вологде. Оправдал ли он доверие партии? По свидетельству

Валентина Распутина (Распутин В. Служба Василия Белова // «Наш современник». – 2002. – № 10), Белов дважды приносил руководителю страны книги Ивана Ильина (его – величайшего мыслителя и патриота — не случайно в либеральной «Новой газете» в 2014 году некто К. Мартынов назвал «философом кадила и нагайки») и Ивана Солоневича. (Понятно, что у Горбачева были принципиально другие кумиры). Данный факт свидетельствует о наивности писателя. Где ему было знать, что философ Иван Ильин тот еще «патриот». В 1933 г., находясь в Германии, приветствовал приход к власти Гитлера, увидел в «новом духе национал-социализма» освобождение России, призывая к скорейшему походу против нее. Не один Белов запутался в эпоху гласности в «белогвардейском патриотизме».

По рассказам самого Василия Ивановича, у него даже хватило храбрости прорваться к Борису Ельцину, ставшему к тому времени российским президентом, для краткого разговора: «Я простодушно сказал, что хотел бы поговорить с ним о крестьянстве и сионизме. Лицо его вытянулось, Борис Николаевич замолчал, как рыба. Я понял, что встреча откладывается и вообще вряд ли состоится». Комментировать здесь нечего. Нет, по словам Белова, ему удавалось несколько раз заскочить на съездовскую трибуну и сказать наболевшее о крестьянском вопросе, но и только...

Филолог Ю.М. Павлов написал, что Василий Иванович, сделал и для своих земляков, и для всей страны гораздо больше, чем многие партийные и беспартийные балаболы и «чистюли». Достаточно назвать асфальтовую дорогу, проложенную на родине писателя, и предотвращенный поворот северных рек. Ну, проложить дорогу на свою малую родину, не самому, конечно, и не за свои «депутатские» – событие во всех отношениях, приятное. Что касается «поворота рек», то остановила эти планы не «общественность», хотя она, в том числе и Белов, действительно протестовала. Денег не оказалось на этот грандиозный проект, который, кстати, был задуман еще в сталинские годы. Горбачев сетовал: денег на перестройку с ускорением не хватает, приходится занимать, в долги влезать.

С распадом СССР кончилась «деревенская проза». Бывшие союзники по «Нашему современнику» и «Молодой гвардии» рассорились вконец. Виктор Астафьев в письме Валентину Курбатову от 1 января 1992 г. писал: «... А народ нам

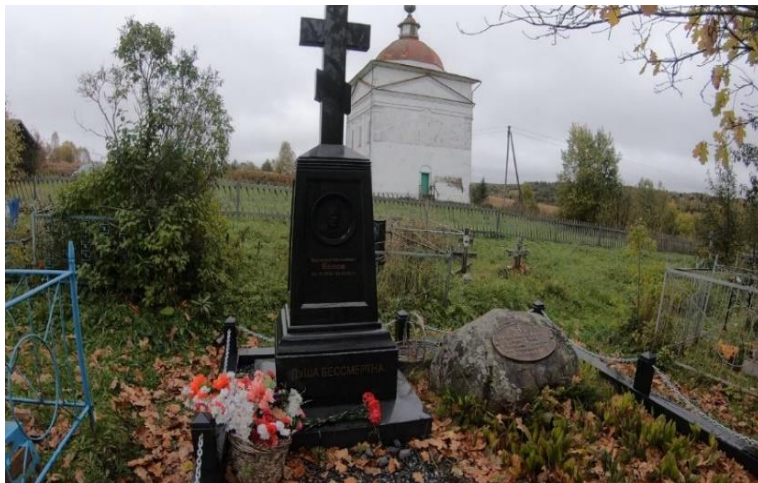
не спасти уже, хоть бы мы все вернулись куда велено. Кроме того, с Васей Беловым тем более не хочу никуда идти и объединяться. Бывший секретарь райкома комсомола, вечный член бюро обкома, истовый ревнитель идей партии, ныне тюкающий топориком церковь, в которой некому молиться, как-то мало вызывает у меня энтузиазма на объединение духа и согласия идти единым путем в светлое будущее...».

Автор рассказа «Ловля пескарей в Грузии», опубликованном в 1986 г. в «Нашем современнике», за который Виктору Петровичу устроили «выволочку», в перестройку переключился на охаивание советской действительности. Видимо, кто-то нашептал ему, что пришла пора становиться нобелевским лауреатом. Вот и написался роман «Прокляты и убиты», и заговорил бывший фронтовик, что надо было сдать Ленинград немцам, а не морить людей голодом 900 дней. Да и на народ, русский, со всей своей изящной словесностью обрушился бывший вологжанин: «...Он и сам, народ-то, словно телок, всю зиму, от самого рождения в хлеву проживавший на гнилой соломе, попав на весеннюю поляну, не может понять, что это такое, солнцем ослепленный, простором напуганный, не знает, то ль ему брыкаться и бодаться начинать, то ль спокойно пастись, щипать травку. Лежал всю зиму под теплым брюхом мамы-коровы, тянул ее усохшие сосцы аж до крови, и уютно ему в хлеву было, и безопасно, и тепло. А тут эвон че, на волю выгнали со слабыми-то ногами, без практики и желания жить на воле и самому кормиться...».

На сколько эти слова разнятся с пронизанной болью за народ статьей Федора Абрамова «Чем живем-кормимся», напечатанной летом 1979 г. в «Пинежской правде». Писатель не просто критиковал сельчан за их нерадивость и неуважение к работе, замах у статьи был шире: Федор Абрамов открыто показал недостатки, что превращались в подлинную беду. В деревне многие устыдились, увидя себя со стороны, но в стране разве что рябь прошла. «Правда» обещала дискуссию, работу над ошибками, но ничего по сути не последовало... Застой, понимать надо... Один вождь остарел, другие, что шли ему на смену, долго не протянут, ну а с перестройкой придут другие люди... Федор Абрамов до этого времени не доживет.

Не спасли «деревенщики» ни деревню, ни ее деревенских жителей. Да и свое имя уронили. Как пишет Михаил Хлебников, «настоящая драма деревенщиков» заключается

в том, что «говоря честно о страшной судьбе русской деревни, они восстанавливали картину прошлого, говоря со старшим, в лучшем случае средним поколением. Разговор о настоящем с новым поколением не получался» (Литературная газета, №47. 2022). Все лучшее ими написанное пришлось на советское время. Потому и помнят о Василии Ивановиче не за «Кануны» и «Час шестый», а за «Привычное дело», которое он забросил.

Тимониха. Могила писателя

***«...Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл»***

Николай Рубцов, 1964 г.

«Удивительным образом, даже это не погубило репутацию писателя. Те, кому русская литература была по-настоящему небезразлична, помнили и ценили его прозу, обращаясь к его книгам, а не к уличным газетам. И совершенно особый статус приобрел Василий Белов у себя на Вологодчине. Здесь он – культурная достопримечательность наравне с фресками Дионисия и кружевным промыслом. Именно так в эти дни чествуют маститого прозаика, считая, что заваренная им деревенская каша вологодского масла не испортит» (Коммерсант, 22.10.2002). Одним брендом на Вологодчине стало больше.

Череповец, январь 2023 г.